

ВВЕДЕНИЕ

«Область военного строительства всегда была областью плановой работы», превосходя в этом отношении даже железнодорожное хозяйство, констатировал в 1923 г. первый Нарком по Военным и Морским Делах и Председатель РВСР. Прежде, чем этот постулат превратился в реальность, новой власти и ее вооруженным силам пришлось пройти через периоды «первоначального роста», явившегося «полной противоположностью плановому началу»¹, импровизированной демобилизации начала 20-х гг. и военной реформы середины 20-х, которая установила относительное равновесие составных элементов вооруженных сил мирного времени, определила структуру и основные функции их руководящих органов. Окончание восстановительного периода сопровождалось складыванием разветвленной системы подготовки государства к войне, приоритетное положение в которой занимали Народный Комиссариат по Военным и Морским Делах и Штаб РККА.

Подготавливаемые ими планы войны включали три главных компонента: оперативный план, указывающий сосредоточение и стратегическое развертывание вооруженных сил; мобилизационный план; план строительства вооруженных сил, содержащий основы организации вооруженных сил мирного времени. Исследуя российские планы стратегического развертывания («стратегический план войны в узком значении этого слова»), А. М. Зайончковский отмечал неразрывную взаимосвязь этих аспектов подготовки к вооруженному столкновению: оперативный план «зависит от составных элементов военного могущества страны», но «и эти последние развиваются по камертону тех задач, которые страна ставит своей армии». — «Здесь выходит какой-то заколдованный круг»². Эпоха, наступившая после мировой войны, сделала эту многостороннюю зависимость более однозначной, отчасти «расколдовала» ее. Неизбежность предельного напряжения всех людских и материальных ресурсов страны для обеспечения военных действий выдвинула в центр подготовки к будущей войне мобилизационное планирование. Предусматриваемые им возможности определяли как предельные параметры любого варианта стратегического развертывания и обеспечения последующих операций, так и организацию армии мирного времени.

Сказанное не означает, разумеется, что в советском мобилизационном планировании не получили отражения оценка внешних угроз (изучавшихся IV (Разведывательным, Информационно-Статистическим) Управлением Штаба РККА) и планы военных действий на начальном этапе войны (разрабатывавшиеся его I (Оперативным) Управлением). Применительно к середине 20-х — середине 30-х гг. известно о существовании нескольких оперативных планов: «О стратегическом развертывании Красной Армии на случай войны на Западе по варианту ПР» (1924 г.), «Записка по обороне СССР» (1927 г.), «Оперативный план» (1927-28 гг.), «План стратегического распределения РККА и оперативного развертывания на Западе» (1936 г.)³. Содержание этих документов, хранящихся в Центральном архиве Министерства обороны СССР, до настоящего времени не подлежит огласке и о них приходится судить отчасти по открытым публикациям 20-х гг., отчасти по рассекреченным в 90-е гг. докладам и иным аутентичным материалам⁴, отчасти по агентурным

¹ Л. Троцкий. Перспективы и задачи военного строительства // Военная мысль и революция. 1923. Кн.2 (цит. по: Л. Троцкий. Как вооружалась революция. Т.3. Кн.1. М., 1925. С.142-143).

² А. М. Зайончковский. Подготовка России к империалистической войне. Очерки военной подготовки и первоначальных планов: По архивным документам (под редакцией и с предисловием М. Н. Тухачевского). М., 1926 С.7.

³ Ю. А. Горьков. Кремль. Ставка. Генштаб. Тверь, 1995. С.55.

⁴ См. Доклад Заместителя Народного Комиссара Обороны Тухачевского Народному Комиссару Обороны СССР Ворошилову, 25.2.1935. — РГВА. Ф.33987. Оп.3. Д.400. Л.226-236 (опубликовано: П. А. Аптекарь., И. В. Успенский (сост.). Маршал М. Н. Тухачевский (1893-1937). Комплект документов из фондов РГВА. М., [РГВА; Отдел научного использования архивных фондов России], 1994); Доклад Командующего Белорусским военным округом Уборевича Народному Комиссару Обороны СССР Ворошилову «О новом плане войны на Западе», февраль 1935. — Там же. Д.279. Л.124-149 (изложено: Cynthia A. Roberts. Planning for war: The Red Army and the catastrophe of 1941 // Europe-Asia Studies. 1995. Vol.47. No. 8. P.1305); а также приложение 2 (документ 2а) и 4 (Документальный материал 4Б). О структуре планов войны в 1924-19348 гг. см.: Ю. А. Горьков. Готовил ли Сталин упреждающий удар против Гитлера в 1941 году // Ю. Н. Афанасьев и др. Другая война: 1939-1945. М., 1996. С.158-161.

разработкам иностранных разведок⁵. Насколько можно судить, оперативные соображения и их отражение в планах стратегического развертывания являлись, однако, не только проекцией выводов о характере и масштабе вероятных угроз. Между этими сегментами военного планирования имелось коренное противоречие, ибо пронизанное идеологией понимание внутренних и внешних задач СССР тяготело к беспредельно широкому определению потенциального противника. Будущая война представлялась «столкновением двух различных миров», «встречей огня с водой» — Армагедонном, которому суждено окончательно разрешить противоречия между социализмом и капитализмом. Где, когда и при каких условиях это случится, можно было только гадать. Поэтому оперативное планирование базировалось не столько на оценке угрозы со стороны «ближайших вероятных противников», сколько на возможностях мобилизации сил стран для достижения фактически необозримой политической цели, даже если она формулировалась как оборона СССР — ведь речь шла об обороне от всего мира. С одной стороны, «врагов у рабоче-крестьянской республике много и поэтому борьба при всяких условиях будет длительной»⁶, с другой, объяснял Наркомвоенмор Фрунзе, «на плечи нашего государства, на плечи Коммунистической партии, ведущей это государство, и на плечи... руководителей Красной Армии, ее красного Генерального штаба ложатся совершенно особые задачи, выходящие далеко за пределы узких национальных рамок»⁷. Несмотря на несравнимость условий на западном и восточном европейских театрах военных действий и слабое оснащение РККА, «учет обстановки империалистической войны с какой-то надбавкой на увеличение трудности и жестокости» уже в середине 20-х гг. стал «характерным моментом в подготовке Красной Армии»⁸.

Одновременно принципиальные изменения претерпело само понятие мобилизационного планирования. Опыт войны показал невозможность ограничить его совокупностью мероприятий по призыву и транспортировке людских контингентов для развертывания армии военного времени и по ее обеспечению ранее накопленными мобилизационными запасами. Новая война — столкновение Союза СССР с империалистической коалицией независимо от конфигурации последней обещала приобрести не меньший размах, длительность и напряжение, чем война 1914-1918 гг. «Мобилизация во времени еще недавно казалась моментом; новая экономическая мощь человечества дает мобилизации, с точки зрения стратегии, новое измерение»⁹. Настоятельной необходимостью становилась заблаговременная разработка действий по поддержанию живой силы на требуемом вооруженном фронте и планирование многоступенчатой мобилизации — выставление не

⁵ См.: David M. Glantz. The military strategy of the Soviet Union: A history. Ft. Leavenworth (Kansas), 1992. P.46-50. Особняком среди этих материалов стоит полученная польским Генеральным Штабом копия доклада Начальника Штаба РККА Тухачевского 1925 г. (см.: О. Н. Кен, А. И. Рупасов. Политбюро ЦК ВКП(б) и отношения с западными соседними государствами (конец 1920-х — 1930-х гг.). Проблемы. — Документы. — Опыт комментария. Часть 1. Декабрь 1928 — июнь 1934 г. СПб., 2000. С.495-497).

Иронией отзываются слова проф. Зайончковского, подробно анализировавшего оперативные планы 10-20-летней давности: «...Коренное переустройство вооруженных сил СССР и изменение его границ дают возможность разработать вопрос о бывших планах войны, не нарушая современной военной тайны» (А. М. Зайончковский. Указ. соч. С.8).

⁶ М. В. Фрунзе. Фронт и тыл в войне будущего // Он же. Избранные произведения. Т. II. М., 1957. С.134.

⁷ Он же. Задачи академиков в армии: Речь на торжественном заседании Военной академии РККА 1 августа 1924 г. // Там же. С.127.

⁸ С. С. Каменев. Красная Армия // Десять лет советского строительства: Сборник статей. М., 1927 (цит. по: Он же. Записки о гражданской войне и военном строительстве: Избранные статьи. М., 1963. С.248-249).

⁹ А. Свечин. Стратегические и оперативные этюды // Сборник Военной Академии РККА. Кн. 1. М., 1926. С.30. Рассмотрение полемики в советской военной печати относительно распределения мобилизационных усилий и их связи с определенным видом стратегического развертывания не входит в задачи предлагаемой работы. Здесь достаточно отметить, что несмотря на публичное предание анафеме концепции «перманентной мобилизации» (В. Дунаевский. Теория перманентной мобилизации проф. Свечина // Против реакционных теорий на военном-научном фронте. Критика стратегических и военно-исторических взглядов проф. Свечина. М., 1931. С.85-92), она соответствовала фактическому военно-экономическому планированию и состоянию промышленной мобготовности в гораздо большей мере, чем утопическая (или агрессивная) установка «уже с первого дня войны» «развить наибольшее напряжение всех отраслей» (Там же. С.88).

только первоочередных дивизий, но и создание формирований второй и третьей очереди, формирований второго года войны и проч. Еще более существенным явилось понимание неизбежности мобилизации всех экономических ресурсов страны, в первую очередь промышленных и транспортных, поэтапного развертывания перестройки народного хозяйства и питания военных действий. Эти составные части мобилизации в ее новом значении взаимно обуславливали друг друга и вместе с тем задавали небывалый масштаб деятельности. Объектом мобилизационного планирования в начавшуюся эпоху «тотальной войны» становились не только вооруженные силы и военная промышленность, но и практически все области народной жизни.

Эволюция мобилизационного планирования направлялась совокупными усилиями военного ведомства и всех хозяйственных наркоматов и, прежде всего, решениями высших политических и государственных органов — Политбюро ЦК ВКП(б), Совета Труда и Оборона СССР и его Распорядительных Заседаний (1927-1930 гг.), Комиссии Оборона СССР (1930-1937 гг.), над которыми все явственнее возвышалась фигура Сталина. Нет нужды доказывать политический характер как субъекта, так и объекта принимавшихся ими решений по мобилизационному планированию, равно как и их изначальную взаимосвязь с глубинными сдвигами, происходившими в конце 20-х — начале 30-х годов в советском обществе, и с международным положением и внешней политикой СССР.

Иное дело — смысл этой взаимосвязи. Ее традиционное понимание может быть сжато представлено схемой: внешняя угроза и экономическая отсталость России определили необходимость форсированной индустриализации, позволившей СССР к концу 30-х гг. создать и технически оснастить современные вооруженные силы. Первый набросок этой схемы восходит к сталинским речам семидесятилетней давности; ее «правдоподобие» — соответствие «здоровому смыслу», «конвенциональной мудрости», «реализму» и прочим категориям этого ряда — позволило пропагандистскому клише стать ведущим историческим объяснением процесса создания советской военной мощи. Даже наиболее ценные работы последнего десятилетия по существу не сопровождались отказом от следования этой логике. Предлагаемая книга, стержневой целью которой было определить соотношение между внешнеполитическими сдвигами и мобилизационными решениями¹⁰, оспаривает эту историческую конструкцию. В процессе исследования в новом свете предстала и внутренняя борьба в военном руководстве, прежде всего — общеполитический смысл конфликта между двумя главными подходами к развитию вооруженных сил и подготовке СССР к войне, олицетворяемыми Ворошиловым и Тухачевским. Осмыслить общие проблемы, поднимаемые в предлагаемой работе, было бы невозможно без детального и даже утомительного следования за изгибами многочленного и зачастую неясного процесса выработки, принятия и осуществления мобилизационных решений. Такой порядок изложения облегчает критическое восприятие выводов, и для вдумчивого читателя представленные в книге фактические данные или помещенные в приложение документальные материалы могут оказаться интереснее и ценнее, нежели их интерпретация автором (суммированная в заключительной главе).

Некоторые пороки предлагаемой работы очевидны. Во-первых, она основана на архивных свидетельствах в гораздо большей мере, чем этого хотелось бы автору. Общие проблемы мобилизационного планирования лишь в последние годы начали рассматриваться на основе аутентичных документальных материалов, и основные достижения на этом пути, насколько мне известно, пока исчерпываются работами Л. Самюэльсона и Н. С. Симонова, сосредоточившими свое внимание преимущественно на экономических аспектах подготовки к войне¹¹.

¹⁰ Работа над этой проблемой была начата совместно с А. И. Рупасовым в рамках исследовательского проекта «Сосуществовать или подчинять? Западные соседние государства в советской внешней политике и стратегическом планировании, 1929-1937» при поддержке со стороны Программы по глобальной устойчивости и безопасности Фонда Джона Д. и Катерин Т. Макартуров. Пользуюсь случаем засвидетельствовать свою признательность как этой организации, так и своему другу и коллеге.

¹¹ Lennart Samuelson. Soviet defence industry planning: Tukhachevskii and military-industrial mobilisation. 1926-1937. Stockholm, 1996; Idem. Mikhail Tukhachevsky and war-economic planning: Reconsideration of the pre-war Soviet military build-up // The Journal of Slavic Military Studies. 1996. Vol.9. No. 4. P.804-847; N. S. Simonov. 'Strengthening the defence of the Land of Soviets': The 1927 'war alarm' and its consequences // Europe-Asia Studies.

Во-вторых, многие документы первостепенной важности остались либо недоступными, либо даже неизвестными мне. В первую очередь это относится к нерассекреченным (или повторно засекреченным) фондам Российского государственного военного архива и Государственного архива Российской Федерации и документальным комплексам Центрального архива Министерства обороны РФ и Архива Президента РФ. Не умаляя убедительности и сухого красноречия привлеченных документальных материалов (зачастую — подготовительных и черновых), невозможно не осознавать их неполноту и противоречивость. Уже по этой причине было бы непозволительно претендовать на окончательное разрешение затронутых проблем.

Наконец, эта книга не вписывается в устоявшиеся рамки экономической, военной либо политической истории или истории внешней политики и международных отношений. Специалист, работающий в одной из этих областей, будет разочарован неполнотой рассмотрения интересующих его сюжетов. От постановки задачи целостного представления всех этих аспектов пришлось отказаться как от совершенно непосильной.

Эти особенности автор попытался обратить в достоинства. Неопосредованное общение со свидетельствами об оборонном планировании убеждает в причудливой комплексности отпечатавшихся в них сведений. По всей видимости, она прямо вытекает из синтетичности самого процесса подготовки к войне, сочетающего технологические требования военного дела с идеологической конъюнктурой, реагирование на внешние угрозы и внимание к социально-политической обстановке в стране, экономические реалии и особенности личных взаимоотношений участников. Вместо того, чтобы противиться исходным условиям (синтетичности объекта и комплексности документальных материалов), я стремился использовать их для достижения более объемного, интегративного понимания этого процесса. Основные усилия были направлены как на систематическое обследование серийных источников (таких, как протоколы Политбюро ЦК ВКП(б) и Реввоенсовета СССР), так и на сборе наибольшего числа разнохарактерных свидетельств о событиях короткого исторического периода, о поведении небольшого числа действующих лиц — Сталина, Ворошилова, Тухачевского и некоторых их соратников. Их воля, властность и упорство не подлежат сомнению — как и то, что они оказались втянуты в мощный поток, множество раз обманывавший и щедро вознаграждавший их первоначальные расчеты.

Для общего понимания этого процесса, независимо от особенностей их конкретной проблематики, особую важность представляли исследования и суждения Дэвида Гланца, Роберта У. Дэвиса, Леннарта Самюэльсона, Нормана Стоуна, Жака Сапира, К. Ф. Шацилло, Джона Эриксона, О. В. Хлевнюка. Благодаря этим и иным, внешне периферийным для главной темы этой книги историческим работам, рассматриваемые в ней процессы могут быть осмыслены как акциденции глубинных конфликтов всей человеческой истории — между интересами гражданского общества, политической власти и вооруженных сил, между сотрудничеством с окружающим миром и его насильственным переделыванием.

1996. Vol.48. No. 8. P.1355-1364; Н. С. Симонов. Военно-промышленный комплекс СССР в 20-50-е годы: темпы экономического роста, структура, организация производства и управление. М., 1996. Когда работа над рукописью была закончена на русском языке вышла новая книга Л. Самюэльсона (Красный колосс: Становление военно-промышленного комплекса СССР, 1921-1941. М., 2001; оригинал: *Plans for Stalin's War Machine: Tukhachevskii and Military-Economic Planning, 1925-1941. N.Y. etc., 1999*).

Некоторые важные публикации по этой (или смежной) проблематике остались мне недоступны (в частности: Sally W. Stoecker. *Forging Stalin's army: Mikhail Tukhachevsky and the politics of military innovation. Boulder (Col.), 1998*; Sophie de Lastours. *Toukhachevski: Le batisseur de l'Armée Rouge. P., 1996*).

Характеристику некоторых групп источников по военно-экономическому планированию (в том числе, остающихся секретными) см.: М. Ю. Мухин. Российский государственный архив экономики. Комплексы документов по исследованию военной промышленности в 1921-1941 годах (Обзор) // ОИ. 1996. №4. С.100-112.